

димых сведений о большинстве из служивших приказных людей. Публикация справочника даёт в руки исследователей основанный на подлинных документах конкретный материал о служивых людях разных «чинов», находившихся на различных ступенях управленческой лестницы. Данные о личных карьерах, собранные, а затем компактно помещённые в каждой из статей, позволяют установить, как происходило продвижение по служебной лестнице, сопровождавшееся увеличением жалованья, как земельного, так и денежного, повышением социального статуса. В целом же по материалу справочника можно понять, каким образом «управленцы» XVII в. в течение жизни выстраивали свои служилые стратегии.

Е.Н. Швейковская

Примечания

¹ Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902; Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

² Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 206–242; она же. Приказные люди XVII в. (Социальный состав и источники формирования) // Исторические записки. Т. 90. М., 1972. С. 332–354; она же. Государственный аппарат России в XVII в. // Там же. Т. 108. М., 1982. С. 109–154; она же. Социальная база комплектования местной группы приказных людей XVII в. // Феодализм в России. М., 1987. С. 245–251; она же. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

G. Hausmann. Mütterchen Wolga. Ein Fluss als Erinnerungsort vom 16. bis ins frühe 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH., 2009. 494 S.*

Монография немецкого историка, известного специалиста по Восточной Европе профессора Гвидо Хаусманна основывается на его докторской диссертации (Habilitationarbeit), защищенной в 2004 г. Она является плодом многолетней работы автора по выявлению и освоению обширного и разнородного круга источников и литературы на немецком, русском, английском и французском языках. Он не просто освещает роль и значение Волги в истории российского государства, но акцентирует внимание на восприятии самой большой европейской реки представителями разных социальных слоёв на протяжении целого ряда поколений, на постепенном возникновении «культы» реки в ходе колонизации волжского бассейна, растянувшейся на 400 лет. В центре исследования – воспоминания о поездках по Волге и переправах через неё.

В историографическом очерке автор выделяет четыре основных направления в специальной исторической литературе,

посвящённой исследованию рек: картография, изучение гидронимов, социальных и историко-экономических аспектов жизни приречных территорий, а также культурно-исторического значения рек. Признавая важность Волги для колонизации, миграции населения и других социально-экономических процессов, историк избирает «другую перспективу и иной центр тяжести с упором на исследование прошлых толкований экономических и социальных процессов или исторических событий» (S. 18). Что касается российских источников и литературы, то Хаусманн использует в работе практически все имеющиеся материалы по «волговедению», привлекает документы Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива древних актов, архивов Твери, Ярославля, Нижнего Новгорода и Казани, многочисленные труды российских историков, в том числе ведущих исследователей Института российской истории РАН – Я.Е. Во-

* Г. Хаусманн. Матушка Волга. Река как источник воспоминаний с XVI до начала XX века. Франкфурт-на-Майне: Кампус Ферлаг ГмбХ, 2009. 494 с.

дарского, А.В. Дёмкина, Э.Г. Истоминой, В.М. Кабузана, Б.М. Клосса, В.А. Кучкина, В.В. Трепавлова и др. В работах зарубежных авторов подчёркивается значение Волги для пространственной ориентации политики, водного сообщения и колонизации новых территорий России, её социального и экономического развития. Но до сих пор как в зарубежной, так и в отечественной историографии отсутствует комплексный анализ социокультурных аспектов роли реки в истории страны.

Хронологически книга начинается с событий середины XVI в., когда после взятия Казани и Астрахани вся Волга от истоков до впадения в Каспийское море стала принадлежать России и считалась естественным рубежом между Европой и Азией. Автор рассматривает представления о Волге (Идиле), существовавшие в XVI–XVII вв. у кочевых тюркских народов, уделяя особое внимание тюркскому народному эпосу о падении Золотой Орды «Идэгей», сложившемуся в XV в. и записанному на татарском языке в XVII в. В нем «мать Идиль» впервые упоминается как родина тюркских народов. Хаусманн анализирует также воспоминания кочевников о трудных зимних переходах по льду Волги, о набегах ногаев на крымских татар и на южные русские земли. Когда в ходе колонизации русскими Средней и Нижней Волги кочевые народы были отеснены, в устных преданиях не имевших письменности номадов жизнь на берегах Идиля вспоминалась как «золотое время», когда они имели собственную территорию, а богатая рыбой река обеспечивала им сытую жизнь.

Как показано в книге, для православных жителей Руси столь же памятным местом издавна была Верхняя Волга, где существовали старинные славянские города и возникло большое число монастырей, являвшихся очагами распространения православия. Истории о чудесах, явленных на берегах реки, способствовали её восприятию как своего рода культового места. В частности, Хаусманн подробно пишет об истории Толгского монастыря, основанного в начале XIV в. вблизи Ярославля, на месте, где на берегу Волги была обнаружена чудотворная икона Богородицы.

В XVIII в. освоение Волги заметно активизировалось, во многом благодаря строительству каналов, связавших низовья реки с новой столицей России. Это способствовало новому восприятию Волги как главной коммуникационной линии страны, соединительного пути между морями. После поездки в 1767 г. по Волге Екатерины II стал культивироваться образ этой реки как политического символа российской государственности. Тогда же начала складываться традиция поездок по Волге для изучения страны. При этом западноевропейскими путешественниками Волга рассматривалась как часть Европы. В отдельной главе освещается развитие бурлачества на Волге с XVII до середины XIX в. Бурлачество существовало и в Западной Европе, где оно исчезло с развитием речного пароходства. Но нигде эта социальная группа не привлекала к себе такого внимания и не оставила такого фольклорно-песенного наследия, как в России. Хаусманн прослеживает, как бурлаки на Волге с середины XIX в. всё чаще вызывали интерес у художников, собирателей народных песен, радикально настроенной молодежи. Автор раскрывает социальные и экономические условия их существования и их образ в исторической памяти народа. Рост протестных настроений интеллигенции и учащейся молодёжи привёл в XIX в. и к героизации восстания под руководством Степана Разина. В XVII в., как показано в главе «Степан Разин и Волга как река свободы», для восставших Волга являлась местом грабежей торговых судов, территорией свободы, она открывала путь на Москву и в то же время служила дорогой для отступления и оборонительной линией. Автор указывает на диаметрально противоположное восприятие восстания в разных социальных слоях российского общества. До нас дошло более двухсот записанных песен, сказаний и легенд о Разине.

Распространение с середины XIX в. на Волге пароходного судоходства положило конец бурлачеству. В пореформенный период возник волжский туризм: река становилась визитной карточкой империи, и путешествие по ней превращалось в своеобразный ритуал ознакомления с русской провинцией, её культурой и историей.

Иностранцы также стали проявлять интерес к путешествиям по Волге и оставили в XIX в. немало описаний этих поездок. Бытовали сравнения Волги и Рейна как двух «национальных» рек. Волга и Нил сравнивались как центры двух цивилизаций. Для туристов начали издавать путеводители о Волге и расположенных на ней городах (их содержание подробно рассматривается в книге). В них, по словам автора, «Волга представлена как родина, как национальное, православное, а также имперское пространство, которое подлежало и подлежит цивилизаторскому оформлению». Таким образом, «как место воспоминаний она в последние десятилетия царизма обнаруживает тенденцию к русской этнизации» (S. 421). Хаусманн подчёркивает, что в конце исследуемого периода наблюдались значительные изменения в образе реки: Волга-матушка,

выступавшая до этого в восприятии и сохранявшаяся в исторической памяти отдельных слоёв населения как кормилица и их малая родина, стала общенациональным историческим и культурным достоянием страны, зеркалом имперской России.

Книга профессора Г. Хаусманна является глубоким, хронологически и систематически структурированным комплексным научным исследованием того, каким образом и в каких формах в течение четырёх веков проявлялась и сохранялась память о Волге в различных социальных и культурных слоях российского общества. Книга многопланова и сложна для восприятия, но одновременно интересна и познавательна. Остается только сожалеть, что она доступна лишь для читателей, владеющих немецким языком.

Ф.И. Новик

Дневники императора Николая II (1894–1918). Отв. ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011. (Серия «Бумаги дома Романовых»). Т. I (1894–1904). 1101 с., ил.

Несмотря на огромное количество написанного о последнем российском императоре, он до сих пор во многом остаётся фигурой загадочной и непросвещённой. Не прекращаются споры о реальной роли царя в политической жизни страны конца XIX – начала XX в., особенностях его взаимоотношений с ближайшим окружением, степени его ответственности за крушение монархии. Думается, что аргументированно обсуждать эти вопросы исследователям поможет публикация дневников Николая II, подготовленная коллективом авторов (З.И. Перегудова, Д.А. Андреев, В.М. Хрусталёв, Е.А. Голосовская, А.А. Литвин, Г.Г. Толстикова) под редакцией С.В. Мироненко. Издание выполнено на высоком научном уровне, снабжено комментариями, иллюстрировано большим количеством фотографий, освещающих жизнь царской семьи и её зарубежных родственников. Особенно хочется отметить подробные указатели, занимающие около четверти объёма книги. Здесь разясняются и реалии, необходимые для понимания эпохи в целом

(персоналии, географические названия, церковные термины, единицы мер и весов, устаревшие слова), и понятия, без знакомства с которыми трудно осмыслить особенности быта императорской фамилии (придворные чины, театральные постановки, названия воинских частей, игры, корабли, охотничьи термины).

Человек, «застёгнутый на все пуговицы», предельно сдержанный, закрытый для окружающих – таким последний царь запомнился современникам и таким он в значительной степени предстаёт на страницах своего дневника, заполненного по большей части сухими и лапидарными записями. Разумеется, это не было признаком некой «эмоциональной тупости», как полагал К.Ф. Шацилло – автор яркого, но весьма пристрастного предисловия к одной из публикаций дневников Николая II¹. Сызмальства приученный к самодисциплине, Николай Александрович (как и многие представители аристократии того времени) использовал хронографирование для более чёткой организации текущих дел, планирования предстоящих меро-